

Людмила Чернявская

Об изучении способов выражения субъектно-предикативных отношений на продвинутом этапе обучения русскому языку на филологических факультетах

Studia Rossica Posnaniensia 12, 187-198

1979

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

МЕТОДЫКА НАУЧЕНИЯ ЯЗЫКА РОСЫДСКИЕГО

ЛЮДСМИЛА ЧЕРНЯДСКАЯ

Москва

ОБ ИЗУЧЕНИИ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Конечной целью обучения русскому языку на филологических факультетах является полное овладение нормами изучаемого языка в его устной и письменной формах. Такая сложная цель может быть достигнута лишь при условии строгой поэтапной организации учебного материала.

На продвинутом этапе обучения, когда студенты знакомятся со всем богатством русской классической литературы и сталкиваются с неограниченным количеством разностилевого языкового материала, особенно большое внимание следует уделить изучению способов выражения тех или иных смысловых отношений в различных стилях русской речи. Русский язык располагает огромными возможностями для передачи одного и того же содержания различными способами, которые придают высказыванию тончайшие оттенки значений, своеобразную стилистическую окраску. Практическое усвоение этих способов развивает у учащихся умение точно и правильно выражать свои мысли, глубже и вернее понимать читаемые литературные произведения, повышает общую культуру речи.

Практика преподавания русского языка как иностранного показала, что для того чтобы придать системе расположения языкового материала коммуникативный характер, на продвинутом этапе обучения изучаемые конструкции целесообразно располагать не по принципу формально-грамматической общности, а по принципу смыслового родства, исходя из выражения определенной логико-смысловой категории различными лексическими и грамматическими средствами¹. При этом в подаче лексико-грамматического материала

¹ Г. И. Володина, *Принципы построения практического курса русского языка для учащихся-иностранцев на продвинутом этапе*, „Русский язык для студентов-иностранцев”, Москва 1969, стр. 67 - 68.

большое место необходимо отводить как межъязыковому, так и внутриязыковому сопоставлению и дифференциации языковых явлений. Студенты-филологи должны знать, в каких условиях употребляется та или иная конструкция, какие факторы влияют на ее выбор, какие ограничения накладываются на нее грамматическим контекстом, значением и сочетательными возможностями лексем, семантикой высказывания.

В этой связи большое значение на продвинутом этапе придается изучению способов выражения субъектно-предикативных отношений, так как они составляют структурную основу предложения — „грамматически оформленной по законам данного языка целостной единицы речи, являющейся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли”².

Специфика изучения способов выражения субъектно-предикативных отношений на данном этапе заключается в том, что уже известные учащимся структуры освещаются с новой стороны. Например, такие конструкции, в которых субъект выражен формой номинатива, а предикат — личной формой глагола, рассматриваются прежде всего с точки зрения согласования сказуемого с подлежащим, выраженным собирательными существительными, субстантивированными прилагательными и причастиями, количественными сочетаниями, вопросительными и неопределенными местоимениями:

Студенчество принимает участие в освоении целины.

Кто пришел? — Оба студента пришли; Много студентов пришло.

Провожающие толпились на перроне.

Эта же конструкция („номинатив — глагол”) подробно рассматривается с точки зрения выражения предиката глаголами с аффиксом *-ся*, без аффикса *-ся* и сочетанием „друг друга”; глаголами совершенного и несовершенного вида при выражении различных способов протекания действия; с точки зрения отношения субъекта к объекту в конструкциях с возвратными глаголами.

Особенно тщательной проработки требуют конструкции с возвратными глаголами, так как даже в языках, родственных русскому, они не всегда находят точное соответствие.

Так, например, различные залоговые оттенки, которые придает переходному глаголу в польском языке возвратное местоимение *się*, в основном совпадают с залоговыми значениями русских возвратных глаголов: непереходность, страдательность, собственно-возвратное значение, значение взаимной направленности действия. Однако в употреблении этих глаголов в обоих языках имеются специфические особенности, которые нужно учитывать, чтобы предотвратить ошибки в речи учащихся под влиянием интерференции родного языка.

Наиболее сходными в польском и русском языках являются конструкции,

² *Грамматика русского языка*, т. II, ч. I, Москва 1960, стр. 65.

в которых субъект действия совпадает с его объектом и глагол имеет собственнo-возвратное значение ³:

Я должна еще надуться, причесаться...

Muszę jeszcze uperfutować się, przyczesać...

Однако для польского языка характерно еще такое употребление *się*, когда оно может быть заменено полной формой возвратного местоимения и в русском языке ему будет соответствовать возвратное местоимение *себя*:

Я мог бы заподозрить себя в болтливости.

Mógłbym posądzić się o gadulstwo.

Более значительные расхождения наблюдаются в употреблении возвратных глаголов в конструкциях, передающих значение взаимной направленности действия. В отличие от польского, в русском языке круг глаголов взаимного действия ограничен определенными лексическими рамками и не может обозначать любое взаимно-направленное действие. При глаголах, не имеющих взаимного значения, в русском языке в рассматриваемых конструкциях употребляется сочетание *друг друга*:

Мы давно знали друг друга.

Утром *Иван Дмитриевич* и *Мария Николаевна* нежно поздравили *друг друга* с рождением сына (Тренев).

В отличие от польского языка в русском языке, в основном в научном стиле речи, широкое распространение находят конструкции с логическим объектом в роли подлежащего и возвратными глаголами страдательного значения:

Подлежащее поясняется определением, реже дополнением.

Эта книга читается с большим интересом.

В польском языке глагольные конструкции страдательного значения почти не употребляются, что обуславливает необходимость особенно углубленной работы над этой темой.

Большие трудности представляет для польских учащихся и усвоение конструкций, в которых употребляются глаголы с общевозвратным значением. Эти глаголы можно разделить на следующие семантические группы:

а) глаголы, показывающие изменения в состоянии, положении, движении производителя действия: *изменяться, двигаться, подниматься, спускаться, направляться, возвращаться, расширяться, распространяться, развиваться, улучшаться, ухудшаться, увеличиваться, уменьшаться, укрепляться, усиливаться, ослабляться, ускоряться, замедляться* и др.;

б) глаголы, обозначающие чувства: *радоваться, веселиться, печалиться, волноваться, тревожиться, беспокоиться, успокаиваться, удивляться, восхищаться, сердиться, интересоваться* и др.;

³ Я. В. Мацюсович, *Морфологический строй современного польского литературного языка*, ч. 2, Ленинград 1976, стр. 61 - 64.

в) глаголы, обозначающие начало, продолжение и конец какого-либо явления или действия: *начинаться, продолжаться, кончаться, прекращаться, завершаться*.

При изучении употребления этой группы глаголов необходимо больше использовать упражнений дифференцировочного характера для привития учащимся умений правильно использовать в речи конструкции с глаголами общевозвратного значения и с соответствующими им переходными глаголами.

Как следует из вышеизложенного, для польских студентов известные трудности представляет усвоение субъектно-предикативных конструкций с глаголами собственно-возвратного, обще-возвратного и страдательного значения. Конструкции этого типа широко употребляются как в языке художественной литературы, так и научной, в том числе по языкознанию и литературоведению, что дает возможность при работе над ними привлекать материал который особенно интересен и важен для студентов. Многочисленные исследования психологов и методистов свидетельствуют о том, что интерес — это важнейшая движущая сила, направляющая учебную деятельность. „Интерес концентрирует внимание, заостряет впечатления, обеспечивает повторение и создает богатство ассоциаций”, — пишет известный методист Питер Хэгболдт⁴.

Поддержанию интереса при работе над указанными конструкциями может способствовать применение приемов, направленных на развитие у студентов-филологов активности и самостоятельности в анализе языкового материала, что очень важно для их будущей преподавательской работы. Это могут быть задания на подбор текстов из какого-либо художественного произведения или учебного пособия по теоретическим дисциплинам, содержащих в нужном количестве данные языковые явления, и анализ подобранных текстов на практических занятиях; составление тренировочных упражнений на базе самостоятельно выбранного материала; сопоставление изучаемых конструкций, употребляющихся в отрывке из произведения какого-либо русского писателя, с аналогичными конструкциями в переводе этого произведения на польский язык; адаптирование и составление текстов и упражнений по данной теме применительно к обучению школьников и т.д. Для развития речевых навыков полезным приемом может служить обсуждение на занятиях в группах составленных учащимися текстов и упражнений как с лингвистической точки зрения, так и методической. Такая речевая задача вызовет эмоции у учащихся, активизирует мыслительную деятельность, естественную речевую реакцию на вопросы, реплики и высказывания товарищей, то есть приведет к спонтанному речевому общению.

Специфика языковых знаний, которые должен получить будущий преподаватель, касается прежде всего их широты, разнообразия и точности.

⁴ П. Хэгболдт, *Изучение иностранных языков*, Москва 1963, стр. 52.

Филологи-русисты должны овладеть не только „базовыми” конструкциями изучаемого языка, но также познакомиться с элементами разных функциональных стилей, с оборотами и конструкциями, относящимися к синтаксической фразеологии, с основными колебаниями в норме и со стилистической окраской ненормативных употреблений.

Большое внимание в этом плане должно уделяться изучению синтаксических особенностей разговорной речи, и в частности способов выражения в ней субъектно-предикативных отношений. Важность изучения особенностей данного стиля на филологических отделениях обуславливается тем, что „разговорная речь помимо своей прямой функции средства общения выполняет и другие функции: в художественной литературе она используется для создания словесного портрета, для реалистического изображения быта той или иной социальной среды, в авторском повествовании служит средством стилизации, при столкновении с элементами книжной речи может создавать комический эффект”⁵.

К наиболее характерным особенностям синтаксиса разговорной речи можно отнести употребление в функции предиката осложненных форм простого глагольного сказуемого и глагольных форм в относительном употреблении.

Осложненные формы простого глагольного сказуемого образуются на базе основных и отличаются от них наличием грамматических средств, выражающих добавочное значение. Основное грамматическое значение, включающее модальность, время и отнесенность предикативного признака (действия) к субъекту, передается формальными показателями спрягаемого глагола. Добавочное значение имеет модально-экспрессивный характер оценки предикативного признака⁶.

По характеру осложняющих средств в формах сказуемого можно выделить две конструктивные разновидности: а) глаголы с частицами, б) повтор однокоренных или разнокоренных глаголов.

Поскольку функциональное содержание многих разговорных частиц весьма широко, многопланово и конкретизируется под влиянием различных речевых и экстралингвистических факторов, изучение форм сказуемого, осложненных частицами, целесообразно проводить по мере их встречаемости в учебных текстах. Однако наиболее продуктивные способы осложнения сказуемого следует выделить для специального изучения. К последним можно отнести:

а) употребление частицы *так* и, выражающей значение интенсивности, полноты действия:

⁵ Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, *Практическая стилистика русского языка*, Москва 1976, стр. 38.

⁶ П. А. Лескент, *Типы и формы сказуемого в современном русском языке*, Москва 1976, стр. 54 - 56.

Сидит на камне, а слезы *так и бегут* (Бажов);

б) употребление частицы *вот (тебе)* и, придающей сказуемому значение отрицательной или иронической оценки:

Вот тебе и нашел время делать предложение! *Вот тебе и женился!* (Шолохов);

в) употребление сложной частицы *чуть было не*, придающей значение близкого к выявлению, но не выявившегося признака:

Он споткнулся *и чуть было не упал*.

г) употребление частицы *знай себе* (варианты: *знай, себе*), вносящую в сказуемое оттенок „непреклонности”:

Ни с кем не разговаривает, дичится, — *знай себе* по саду гуляет (Тургенев);

д) употребление частицы *как* в сочетании с формой будущего времени для обозначения действия, стремительного в своем мгновенном проявлении:

Пес как прыгнет, завизжит ... (Пушкин);

е) употребление глагольной частицы *взять (да)* и (в соответствующей спрягаемой форме), вносящей в сказуемое оценку действия как неожиданного, немотивированного или нежелательного:

Она хочет остаться здесь — кто ей может запретить? *Вот возьмет и не уедет* (Панова).

Некоторые трудности может представлять и усвоение таких специфических для русского языка осложненных форм сказуемого, в которых один из глаголов утратил свою лексическую определенность и превратился в частицу (*смотри не задерживайся, давай читай, дай помогу, того и гляди упадет* и т.п.), а также когда в качестве осложняющего элемента употребляется инфинитив:

Смотри пиши почаще, не забывай нас!

Спать-то я спал, да не выспался.

Так же, как и осложненные формы сказуемого, в стиле разговорной речи широкое распространение находят сказуемые, выраженные глаголами в относительном употреблении. Относительное употребление форм глагола является несвободным, а обусловлено ситуацией, в которой употребляется предложение. „Многие случаи переносного употребления форм времени, — отмечает А. В. Бондаренко, — характеризуются особой экспрессивностью и эмоциональностью. Эта особенность в значительной мере является следствием расхождения, контраста между контекстом и грамматическим значением формы”⁷.

Как отмечает А. Н. Васильева, активность переносного употребления временных форм индикатива в разговорной речи связана прежде всего с задачами актуализации реально прошлого или будущего действия применительно к моменту „настоящего”, с задачами образной конкретизации, эмоциональ-

⁷ А. В. Бондаренко, Л. Л. Буланин, *Русский глагол*, Москва 1967, стр. 109.

ного и модально-волевого акцентирования⁸. К наиболее характерным для разговорной речи случаям относительного употребления временных форм глагола можно отнести следующие:

а) употребление формы настоящего времени в значении актуального будущего для изображения событий, которые субъективно представляются уже осуществляющимися:

Летом я *перехожу* на другую работу;

б) употребление формы настоящего времени для обозначения действия в прошлом с целью придания ему большей изобразительности:

Сегодня я встал поздно; *прихожу* к колодцу — никого уже нет (Лермонтов);

в) употребление формы будущего времени вместо настоящего для обозначения однократных повторяющихся действий:

Он знак *подаст* — и все хлопочут; он пьет — все пьют и все кричат ... (Пушкин);

г) употребление формы будущего времени вместо прошедшего для обозначения повторяющихся, обычно совершающихся действий:

Встану я, бывало, рано утром и бегу на речку;

д) употребление формы будущего времени в императивном значении с оттенком категорического распоряжения;

Как только он придет, *расскажешь* ему обо всем;

е) употребление формы прошедшего времени в функции будущего для выражения предположения или для изображения прогнозируемого действия как бы же совершившимся:

Если мне зададут на экзамене этот вопрос, я *пропала*;

Надо спешить, а то *приедут* гости, а я — ничего *не приготовила*;

Характерной особенностью синтаксиса разговорной речи является также употребление в роли сказуемого императива в индикативных значениях:

Скажи ты мне: поезжай к ней сейчас же — поеду („императив условия”); Сколько его *ни уговаривай* — не согласится („условно-уступительный императив”); Сделал уроки — *гуляй* сколько хочешь („императив следствия”); *Попробуй скажи* ему, если он никого не слушает („императив трудновыполнимости”).

Рассмотренные выше случаи далеко не исчерпывают всего многообразия способов выражения предикативных отношений в разговорном стиле речи. Однако в целях минимизации грамматического материала представляется целесообразным ограничиться изучением наиболее употребительных в данном стиле языковых явлений, а на высшем, заключительном этапе объем языкового материала по данной теме может быть значительно расширен.

⁸ А. Н. Васильева, *Курс лекций по стилистике русского языка*, Москва 1976, стр. 204.

Материалом для анализа при изучении способов выражения предиката в разговорной речи в группах филологов могут служить отрывки из произведений русской драматургии, так как „искусственно” составленные учебные диалоги редко имеют ту экспрессивную окраску, которая присуща живой речи тех или иных носителей языка в определенной ситуации. Как известно, порождению речевого высказывания соответствуют два фактора: мотив речевого действия и характер (индивидуальность) участников диалога. В пьесах это находит особенно яркое выражение. Эмоционально-интонационный строй речи персонажей, ее экспрессивная и стилевая окраска помогают выявить характер героев, мотивы их поступков, их отношение к событиям и другим действующим лицам.

В системе речевых упражнений для активизации изучаемого языкового материала также следует предусматривать задания, требующие от студентов речевых высказываний, которые должны соответствовать характеру определенного человека, его настроению, поведению в той или иной ситуации. Большой интерес вызывает у учащихся составление диалогов к какой-либо картине, к серии рисунков, карикатур, составление юмористических рассказов с диалогами, дополнение диалогами известных учащимся рассказов, киносюжетов, изменение данных диалогов в связи с изменением ситуации или мотивов поведения одного из собеседников и т.п. Задания должны даваться с таким расчетом, чтобы они стимулировали использование в речи изучаемых языковых явлений.

На продвинутом этапе обучения большое внимание уделяется не только углубленному изучению способов выражения субъектно-предикативных отношений в двусоставных предложениях, но также и в односоставных.

Односоставные предложения в русском языке не являются строго изолированной группой синтаксических конструкций, поэтому выяснение их специфических свойств возможно лишь на основе установления системных связей с двусоставными предложениями.

На продвинутом этапе при анализе конструкций как двусоставных, так и односоставных предложений их предикативная основа рассматривается как некое единство, как комплекс „субъект-предикат” или „субъект-предикат-объект”. При этом необходимо показать, как передается значение, как при передаче данного значения в конструкции выражается субъект и объект действия, то есть при анализе данных структур важно дать не столько грамматическую, сколько смысловую трактовку явлений⁹.

Как показывает практика, наибольшие трудности для нерусских учащихся представляет усвоение односоставных предложений, в которых логический субъект выражен конструктивно-обусловленными формами, и в частности безличных предложений с так называемым „дательным субъекта”. Эти труд-

⁹ Г. И. Володина, указ. соч.

ности обусловлены, с одной стороны, смешением конструктивных элементов личных и безличных предложений в пределах русского языка, с другой — отсутствием точных соответствий русских безличных предложений безличным конструкциям родного языка студентов.

В отличие от начального этапа обучения, когда изучаются наиболее типичные для русского языка модели безличных предложений в их основном, категориальном значении, на продвинутом этапе подлежат изучению различные структурно-семантические разновидности безличных предложений в аспекте функционирования их в речи. При этом должна учитываться их семантическая соотносительность с другими моделями, выражающими идентичный или близкий к идентичному смысл.

Самую многочисленную группу во всех речевых стилях составляют безличные предложения модального значения. Наиболее частотны модели с предикативно-безличными словами *можно, нужно, надо, необходимо, нельзя* и глаголами *следует, стоит, придется* в сочетании с инфинитивом:

Местоимения *можно рассматривать* как показатели категории лица.

В художественном произведении наряду с главной темой *следует различать* побочные, частные темы.

Нельзя в тридцать семь лет *жить* для себя. (И. Тургенев)

До отъезда *мне нужно* *зайти* к брату.

Функционирование безличных предложений в научном стиле речи связано с такой типичной для данного стиля тенденцией, как отсутствие в изложении указания на действующее лицо. Для научной речи нехарактерны трансформы безличное-личное предложение по линии дативность-номинативность. Синонимами рассматриваемых предложений в этом стиле могут выступать обобщенно-личные предложения, двусоставные предложения с многочленным составным именным сказуемым или пассивные конструкции с глагольным сказуемым:

Можно рассмотреть данное явление с другой точки зрения. — *Можем рассмотреть* данное явление с другой точки зрения. — *Данное явление может быть рассмотрено* с другой точки зрения. — *Данное явление может рассматриваться* с другой точки зрения.

Менее частотную группу в научной речи составляют безличные предложения с предикативами *достаточно, легко, удобно, видно, известно, ясно, понятно* и т.п., имеющие значение вывода, установления логической последовательности мысли при изложении тех или иных теоретических положений. Такие безличные предложения обычно входят в состав сложноподчиненных предложений:

Известно, что диалектной нормой свойственна подвижность, вариативность на всех уровнях.

Из изложенного *ясно*, что эта теория является ошибочной.

Безличные предложения с предикативами *можно, надо, нужно* являются высокочастотными и для разговорной речи, но категориальное значение возможности и долженствования в них становится несколько расплывчатым и неопределенным¹⁰. Наиболее характерными синонимами безличных предложений в данном стиле выступают инфинитивные предложения с частицей *бы*:

Тебе нужно поговорить с ней. — Тебе поговорить бы с ней.

В разговорной речи широко представлены безличные предложения с предикативами *нельзя, невозможно, хватит, довольно* и т.п., имеющие значение запрещения, невозможности. Для выражения потенциальной невозможности совершения действия предпочтение отдается синонимичным им инфинитивным предложениям:

Эту работу невозможно сделать. — Эту работу не сделать.

Наиболее типичной моделью безличных предложений в разговорной речи являются предложения, в которых говорится о психическом или физическом состоянии субъекта, выраженного дательным падежом имени существительного или местоимения:

Лесникам было тесно и душно в нашей квартире.

Брату нездоровится сегодня.

Особенно большое распространение получили предложения с „дательным субъекта” и безличными глаголами в функции предиката (*нездоровится, мерещится, чудится, снится, кажется, слышится, хочется, думается, зевается, дремлется* и т.п.):

Олегу тоже не сиделось в бричке.

Мне не спится и не работается.

Синонимами многих предложений данного подтипа могут выступать личные предложения:

Не я пою, мне поется. (Даль)

В личных предложениях субъект мыслится как инициативный производитель действия или носитель признака, в безличных — как пассивное лицо, которое испытывает действие или состояние, навязанное ему со стороны, помимо воли и желания:

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. Только мне не плачется, на душе светло. (Есенин)

Если в безличных предложениях „дательный субъекта” отсутствует, то обозначаемое состояние мыслится обобщенно и может быть отнесено к любому лицу в данной ситуации.

Особую семантико-грамматическую группу образуют безличные предло-

¹⁰ В. М. Самкова, *Безличные предложения в научной и разговорной речи и их изучение на основных факультетах*, „Русский язык для студентов-иностранцев”, вып. 16, Москва 1976, стр. 75.

жения, в которых функцию предиката выполняют краткие страдательные причастия в форме среднего рода (*решено, велено, приказно, указано, поручено, суждено, назначено* и т.п.):

Нам разрешено ехать.

Студентам поручено сделать доклад.

Коммуникативная цель таких предложений — представить действие как производимое неопределенным деятелем, хотя он может быть известен говорящему. „Безличные причастные предложения с неопределенным деятелем отличаются от безличных глагольных предложений тем, что в них мыслится производитель действия, хотя и неопределенно (в виде представления), что сближает причастные предложения с неопределенно-личными на оси определенность-неопределенность”¹¹:

Тебя *послали* в разведку. Тебе *было приказано* — не стрелять. (Медведев)

Безличные предложения с краткими причастиями находят распространение в современном русском языке в основном в официально-деловом стиле речи, особенно в языке документов:

В результате проведенного обследования *установлено*, что в работе предприятия имеются следующие недостатки;

В связи с отсутствием материалов, *решено* отложить ремонт.

Как следует из вышесказанного, употребление отдельных конструкций безличных предложений и их синтаксических синонимов обусловлено стилистическими рамками. Это важно учитывать при использовании для активизации данного языкового материала широко представленных в учебниках упражнений на трансформацию (замена безличных предложений страдательными оборотами речи, замена личных предложений безличными и т.п.). Такая замена может допускаться грамматической структурой предложения, но не всегда целесообразна и допустима в живой речи.

Для практического усвоения рассмотренных конструкций на продвинутом этапе обучения необходимо больше использовать упражнений, способствующих точному пониманию соотнесенности изучаемых языковых явлений с тем или иным стилем речи, что даст возможность студентам осмысленно подходить к отбору наиболее целесообразных в определенной речевой ситуации вариантов оформления высказывания. При этом очень важно, чтобы основное место занимали не упражнения на уровне предложения, которые не могут служить достаточно убедительным основанием для употребления той или иной конструкции или формы в речи, а упражнения на уровне текста, так как только в тексте по-настоящему полно проявляются стилистические закономерности.

¹¹ П.А. Лекант, указ. соч.

IN THE SPHERE OF RESEARCH ON THE WAYS OF EXPRESSING
SUBJECTIVE-PREDICATIVE RELATIONS ON THE ADVANCED LEVEL OF
TEACHING RUSSIAN AT THE PHILOLOGICAL FACULTY

by

LUDMILA CHERNIAVSKAIA

Summary

In the article the author made an attempt at an analysis of structural foundation of sample sentences (consisting of the predicate) and sentences which are composed of subject and predicate on the advanced (immediate) level of teaching Russian at the philological faculty.

The author of the article when analysing the most difficult constructions subjective-predicative adopted by foreigners, assumes that the students of Russian should know in what conditions such or such construction is used, what factors influence its choice, which of its restrictions are caused by the grammatical context, meaning, possibilities of construction of lexemes and the semantics of utterances. As a result the necessity of paying more attention in the research on the ways of expressing subjective-predicative relations not only to the inter-language comparisons but also to intra-language comparisons and the differences of the similar language phenomena was emphasized.